

—

Когда он неловко поднял голову, чтобы что-то сказать, голос сам собой стал тише. Их взгляды чуть разминулись.

Нанён, открывший дверь, медленно и откровенно окинул Шинджэ взглядом с головы до ног. Сердце Шинджэ внезапно заколотилось так сильно, что отозвалось в ушах. Нестерпимое желание сбежать сдавило грудь.

Не сказав ни слова, Нанён отступил в сторону, будто приглашая войти. Лицо — как у только что проснувшегося человека — ничего не выражало.

Но даже при этом жесте Шинджэ не мог сдвинуться с места. Снаружи стояла крошечная тьма, а за дверью было слишком светло. Под резким светом казалось, что каждая неоспоримая улика — всё, что он не в силах скрыть, — вот-вот обнажится.

Стоя неподвижно, он услышал привычный спокойный голос:

— Заходи.

—

Изнутри тянуло холодом, который пополз по его шее. Почему-то войти в дом было ещё неприятнее. Но замешательство длилось лишь мгновение — он нехотя шагнул вперёд.

На этот раз он даже толком не посмотрел на Нанёна и поспешно прошёл внутрь. К счастью, горел свет только в прихожей; остальная квартира тонула в синеватой темноте.

Ему хотелось лишь умыться и переодеться. Торопливо сбросив обувь, он уже собирался скрыться в ванной, когда за спиной раздался голос:

— С кем ты был? Телефон всё время был выключен.

— А... наверное, сел. Я пил с друзьями...

— Где?

— Да так... в одном баре.

Он возился с упрямыми ботинками, уклоняясь от вопроса. Не выходной — пропадать всю ночь в будний день было на него не похоже. Но Нанён на этот раз не отступал.

— Какие друзья?

— Даже если скажу, ты их не знаешь.

Резкий ответ не помог — необъяснимое напряжение только сильнее сжало грудь, скрутило живот. Яркий свет за спиной заставлял не оборачиваться.

Наконец избавившись от обуви, он шагнул в полутёмный коридор.

— Поговори со мной.

— Я устал. Завтра...

— Сейчас, хён.

—

— Сейчас.

Чуть пониженный тон заставил его мгновенно замереть. Он медленно повернулся. Нанён стоял у внутренней двери — неподвижный, собранный. Теперь их взгляды встретились напрямую. Свет в прихожей щёлкнул и погас.

Его худое лицо в бледном лунном свете казалось бесцветным. Тёмные глаза блеснули в тени — как у крокодила, затаившегося в болоте.

—

Их взгляды сцепились лишь на мгновение. Губы Шинджэ приоткрылись. Он тяжело сглотнул. Хотел что-то сказать — и не нашёл слов. В конце концов, молча кивнул.

Сегодня всё было иначе.

«Вот он... этот день?»

Чем терпеливее казался человек, тем беспощаднее он мог стать, если довести его до предела. Нанён всегда выглядел спокойным и снисходительным, но сейчас казалось, что предел достигнут. Ни легкомыслие, ни пренебрежение больше не будут терпеться, словно он уже решил разорвать всё — без горечи, без слов.

У бесконечного терпения тоже есть граница. И иногда это пугало.

Шинджэ знал, что такой момент может наступить. Он был достаточно разумен, чтобы не верить, будто разговоры о совместной жизни означают вечность. Как бы красиво ни звучали слова, лучше было не рассчитывать... не надеяться.

Пока мысли вихрем крутились в голове, Нанён, до этого стоявший неподвижно, прошёл мимо него. Шинджэ застыл, затем, собравшись, последовал за ним.

Они медленно пересекли просторную гостиную. И вдруг на кухне вспыхнул свет.

— Не включай свет. Я сейчас выйду.

Тон оказался резче, чем он ожидал — будто человек, готовый к ссоре и к окончательному разрыву.

—

Ответа не последовало. Лишь тихий звон стекла, щелчок холодильника, глухой стук тяжёлой кружки и плеск жидкости.

Прислонившись к стене с большим холстом, Шинджэ грубо плеснул себе на лицо холодной водой. Свет на кухне снова погас, и шаги приблизились из-за стены. Перед ним протянулась кружка.

— Выпей это и протрезвей сначала.

Чувствуя тревогу, он всё-таки взял кружку. От него всё ещё тянуло алкоголем и сигаретами. Он ожидал холодной воды, но вместо этого ощутил знакомый травяной вкус средства от похмелья, которое обычно принимал.

Сделав несколько глотков, он прошёл в гостиную, поставил пустую кружку на столик и опустился на край дивана.

— Итак... о чём ты хотел поговорить?

Он поднял взгляд на Нанёна так, будто говорил: вот, я трезв, что дальше? Но внутри неприятно скручивало.

Сегодня луна светила особенно ярко. Даже без включённого света в гостиной, огни зданий и мостов через Ханган за окном мерцали так, что силуэт Нанёна и выражение его лица были хорошо видны.

Стоя в густой синеве ночи, Нанён казался призрачным. Его лицо оставалось нечитаемым, почти невозможно было уловить, о чём он думает. Смутная тревога, появившаяся у Шинджэ ещё в прихожей, только усиливалась.

Он решил, что это потому, что Нанён по-настоящему зол. И ждал, когда тот заговорит первым.

— Если я сделал что-то не так, скажи.

— ...Что?

Неожиданная просьба заставила Шинджэ нахмуриться. Он не уловил логики в этих словах, и брови его поднялись.

— Всё, что тебя расстроило. Любое поведение, которое тебе не по душе.

Слова звучали почти заботливо, но сухой тон отдалял их смысл. Его бледное лицо, острое, словно осколки стекла, казалось хрупкой маской, готовой вот-вот треснуть.

— Я стараюсь изо всех сил, поэтому не понимаю, почему ты пытаешься уйти. Просто скажи, в чём проблема. Дай мне понять.

Шинджэ неловко повёл ртом. Ему послышался скрытый упрёк: я всё делаю правильно, так в чём твоя претензия?

Раздражение, давно тлеющее внутри, резко вспыхнуло, и слова сорвались прежде, чем он успел их остановить:

— Хватит притворяться. Просто скажи честно — ты устал от меня, тебе противно, ты больше не можешь это терпеть.

— Это не так. И ты тоже колеблешься.

— ...Я?

—

— Ха...!

Пустой смешок вырвался у него при виде спокойного взгляда напротив. Пока он бродил где-то снаружи, выжидая подходящий момент, чтобы уйти, разве другой мог не заметить? Всё было очевидно. Кто скажет первым? Оба ждали, просчитывали.

И всё же Нанён, прекрасно это понимая, предпочёл сделать вид, будто ничего не происходит, и стал ещё мягче, ещё внимательнее. От одной этой мысли Шинджэ становилось дурно.

— Я... именно это во тебе меня и бесит. То, как ты... как ты вот так... я...

Он осёкся, прикусив губу. Последовательность Нанёна, его щедрость, устойчивость, ощущение внутреннего изобилия — всё это казалось удушающим. Стоило попытаться продолжить, как сердце начинало бешено колотиться, а желудок скручивало. В итоге он так и не смог сформулировать мысль и резко вскочил.

— Хватит. Давай просто закончим.

Слова вышли легче, чем он ожидал. Всё, что он так долго тянул, вдруг показалось до смешного простым. Сказав это, он даже почувствовал, что момент выбран идеально.

Будто нарочно, он оставил все подарки, одежду, ключи от машины. Переодеться было бы не во что, но ему хотелось лишь уйти. Он не выносил бессмысленных споров, хотел сбежать до рассвета. Когда он попытался пройти мимо, его схватили за запястье.

— ...Закончим что?

Внезапная хватка заставила его пошатнуться. Алкогольная дурнота снова ударила в голову. Он дёрнул рукой, пытаясь освободиться, но сил не хватало. Когда тот повторил вопрос, уже с недоверием в голосе, Шинджэ огрызнулся:

— Ты ведь тоже об этом думал! Ты всё заметил! Просто я сказал первым!

— Я... никогда не думал о расставании.

Пальцы Нанёна крепче сжали его запястье. Он смотрел прямо в глаза Шинджэ и произнёс каждое слово отчётливо:

— Ни разу. Ни единого раза мне не приходила в голову эта мысль.

Странное, леденящее ощущение пробежало по позвоночнику Шинджэ. Лицо Нанёна будто едва заметно исказилось, и он моргнул. Грудь тяжело вздымалась, когда он огрызнулся, с трудом сдерживая раздражение.

— Да что ты вообще обо мне знаешь? Сколько ты меня знаешь, чтобы говорить, что хочешь жить со мной всю жизнь? Ты что, вырос на сказках и мечтаешь о милых игрушечных романах? Это не в моём характере, и я от этого устал. Иди и найди себе идеальную принцессу.

— Я знаю о тебе много... гораздо больше, чем ты думаешь.

— Правда? Мне плевать. Я не хочу знать. Не хочу знать больше. Для меня всё кончено...!

Хотя они и прожили вместе какое-то время, Шинджэ по-настоящему не знал Нанёна. И не хотел вкладываться в отношения, которые мог оборвать в любой момент.

Да и ни с кем он этого не делал. Ему никогда не хотелось вникать в чужие дела, так же, как он

ненавидел, когда его самого допрашивают, он не задавал лишних вопросов другим.

— Мне что, нужен какой-то великий повод? Мне просто скучно с тобой. Надоело. Достало. Вот и всё!

На самом деле ему не нужно было заходить так далеко. Но изо рта вырывались только жестокие слова. Всегда всё заканчивалось именно так — он разрушал любые отношения, к которым прикасался.

И, может быть, это даже к лучшему. В этот раз он действительно чувствовал отвращение — и больше не будет даже мысли снова запутаться. Никакой грязной привязанности, в каком-то смысле это будет чистый разрыв.

И всё же, как только он увидел лицо Нанёна, странный клубок тревоги и беспокойства внутри начал раздуваться, грозя разорваться. На самом деле это, возможно, был стыд. Ему хотелось убежать куда угодно прямо сейчас, но запястье всё ещё было схвачено, обнажая самую уродливую сторону его самого.

— И ты правда думал, что я тебя любил? Мне просто было любопытно, каково это — встречаться с парнем. Я никогда не относился к этому серьёзно. У тебя симпатичное лицо и полно денег — это было свежо. Но теперь ты меня просто отвратителен. Я правда... правда больше не могу.

Он поставил точку словами, которые уже нельзя было забрать назад. В безвозвратно разбитом молчании слышалось только его сбивчивое дыхание. Ему хотелось зажмуриться.

Холодная рука, сжимавшая его запястье, усилила хватку. Пока Нанён молча слушал поток оскорблений, Шинджэ чувствовал, как в этой ладони бешено бьётся пульс. Напряжение проступило на длинной шее, кадык резко обозначился.

— ...Понятно.

Плотно сжатые губы разомкнулись, и прозвучал странно мягкий голос. Шинджэ ожидал взрыва — яростной ссоры или ледяного отстранения, — но вместо этого увидел нечитаемое выражение, дрожащий взгляд.

Он только что поджёг фитиль уродливой драки, а реакцией Нанёна было будто бы уйти внутрь себя — пугающе тихо. Зрение расплывалось, он часто моргал. Ему и так было нехорошо, когда он вошёл, а теперь стало по-настоящему дурно — казалось, его вот-вот вырвет. Он ощущал на себе этот взгляд, не отпускающий его руку, и заставил своё лицо принять спокойное выражение. Выворачивая онемевшее запястье, он сквозь зубы пробормотал:

— Если понял... отпусти.

Даже сейчас выражение лица Нанёна было таким, будто его мысли где-то далеко. После мгновения тишины железная хватка внезапно ослабла, словно её и не было. Холодная, как змея, рука соскользнула с его запястья и опала.

— ...Хорошо. Иди.

—

Шинджэ не сразу повернулся спиной. Он чуть покачнулся, отступая на шаг. Пустота накрыла

его, вместе с необъяснимым беспокойством.

Неужели всё вот так и закончится?

Но как бы сильно он ни хотел уйти, в конце концов он развернулся. Ему было слишком плохо, чтобы говорить что-то ещё.

Переходя через просторную гостиную, словно убегая, он чувствовал, как конечности наливаются тяжестью, будто он плывёт под водой. Каждый шаг вяз в болоте. В голове звенело, сознание затягивала туманная пелена.

Иногда ему снились кошмары, где сон и реальность смешивались — сейчас было точно так же. Он понимал, что что-то ужасно не так, но разум притупился, не в силах уловить, что именно.

Думая только о том, как бы поскорее выбраться отсюда, он вдавил пятки в задники ботинок и кое-как натянул их. Резкое головокружение накрыло его, и он опёрся о дверь, пальцы нащупали ручку. Сильно тряхнув головой, он сжал её крепче.

Дверь распахнулась — и мир погрузился во тьму.

Следом раздался оглушительный грохот.

<http://bllate.org/book/14889/1443332>